

Альбер СОБУЛЬ

РУССО и ЯКОБИНИЗМ

Французский ежегодник 1964.
М., 1965. С.35-48.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Двадцатого вандемьера III года (11 октября 1794 г.), когда шествие, сопровождавшее в Пантеон прах Руссо, поравнялось с якобинским клубом, председатель клуба возложил на гроб Жана-Жака венки. Вице-председатель Буассель, обращаясь к народу, заявил:

«Общество друзей Свободы и Равенства, неизменные продолжатели учения и проповедники принципов бессмертного Жана-Жака, возлагая венки, заверяют дух этого пламенного друга человечества в своей решимости и впредь считать его образцом и следовать ему в своей деятельности».¹ Это произошло за месяц до закрытия клуба по постановлению Конвента от 23 брюмера (13 ноября) и может служить ярчайшим подтверждением духовной общности автора «Общественного договора» и якобинизма.

В дальнейшем противники революции не преминули подхватить этот аргумент. В своих мемуарах, опубликованных в 1798 г. в Гамбурге, аббат Баррюель, если и не причисляет Руссо, «одно имя которого ассоциируется у нас со злым духом противоречий и софизмов», к организаторам «заговора нечестивых», - ибо он был сторонником гражданской религии, - все же отводит ему значительную роль в «заговоре мятежников»: «Жан-Жак Руссо завершил дело Монтескье; он судил с точки зрения демократического буржуа о принципах, из которых благородный президент парламента делал только благоприятные для своей аристократии выводы» (Далее следует серия цитат из «Общественного договора»)².

От Бенжамена Констана до Тэна, включая Руайе-Коллара и Ламартина, теоретики либерализма XIX в. подходили с одной и той же резко отрицательной меркой и к «Общественному договору» как учебнику деспотизма, и к якобинизму. В «Происхождении современной Франции» Тэн так заканчивает подробный анализ «Общественного договора»: «Затеи за теорией следует практика, и догмат народного суверенитета, истолкованный толпой, порождает совершеннейшую анархию, вплоть до того времени, когда, будучи истолкован вождями, он породит совершеннейший деспотизм».³ И далее, уточняя «якобинскую программу»: «Нет ничего опаснее общей идеи (идеи суверенитета. - А.С.) в ограниченных и пустых умах: так как они пусты, то она не встречает там никаких знаний, которые могли бы противостоять ей, так как они ограничены, то она вскоре наполняет их целиком».⁴

Не вызывает удивления присутствие в этой компании Прудона, который в письме к Мишле от 11 апреля 1851 г называет «Общественный договор» «кодексом всех наших представительных и парламентских мистификаций».⁵ Для всякого, кто обратится к 15-й главе 3-й книги («О депутатах, или представителях») «Общественного договора», ясно, что Прудон противоречит истине: он одинаково ненавидит и «жневского шарлатана» и якобинизм, характеризуемый им как «разновидность доктринерства»

Эти авторы, хотя они с большей или меньшей точностью и пониманием ссылаются на «Общественный договор», не попытались однако, дать историческое определение якобинизма, слова которым злоупотребляют в нашем политическом словаре Тэн набросал портрет якобинца вне времени и пространства.⁶

Ближе к нам Л. де Карденаль, автор не лишённой ценности истории якобинских клубов. Он выражает удивление, что слово «якобинизм» до сих пор «применяется для обозначения доктрины, которая в ходе своего развития подвергалась изменениям»; но тем не менее он делает вывод, что эта доктрина «в действительности стара как мир». «Кто сможет измерить якобинизм Спартака и Цезаря, Игнатия Лойолы и Робеспьера, Ришелье и Фуше?»⁷ Говорить таким образом значит смешивать сущность идеологии, вписывающейся в точно установленный исторический контекст, и определенный темперамент, определенную политическую практику, вызываемую к жизни на различных стадиях исторической эволюции. Для правильной оценки связи между руссоизмом и якобинизмом необходимо рассматривать их в конкретной обстановке Франции второй половины XVIII в., где они родились и развивались.

В историческом разрезе нельзя говорить просто о якобинизме, без дальнейших уточнений, так как клуб за четыре года своего существования эволюционировал и много раз видоизменялся. В противоположность Гастону-Мартену, утверждающему, что за «поверхностной переменчивостью установок» скрывается «неизменность общих черт» не только темперамента, но и доктрины⁸, Мишле, проницательный в своей антиякобинской предвзятости, прав, когда он отмечает возникновение в обществе в конце 1792 г. третьего поколения. «По имени они все те же якобинцы, но это уже другие люди. Существовал якобинизм примитивный, парламентский и дворянский - якобинизм Дюпора, Барнава и Ламета. Существовал якобинизм смешанного типа - якобинизм республиканских журналистов орлеанистов, Бриссо, Лакло и т.д., в котором главенствовал Робеспьер. Наконец, когда это второе поколение в 1792 г. как бы растаяло, уйдя на службу, участвуя в администрации, в различных миссиях, начинается якобинизм 1793 г., якобинизм Кутона, Сен-Жюста, Дюма и т.д., который вынужден был использовать Робеспьера и выдохнулся вместе с ним».

Центральная проблема спора этих поколений та самая, которую Руссо выдвигал на первый план, начиная с 1754 г., - проблема равенства. «Это третье поколение, - продолжает Мишле, - призванное под знамена в какой-то степени и во имя равенства, значительно отличалось от двух других».⁹

Достаточно вспомнить Барнава который во время великих прений 15 июля 1791 г., после бегства короля, предлагал во имя собственности положить конец революции и заявлял: «Закончим ли мы революцию, продолжим ли мы ее... лишний шаг был бы роковым и преступным актом, лишний шаг по пути к свободе означал бы уничтожение королевской власти, а лишний шаг по пути к равенству - уничтожение собственности».¹⁰

Второе поколение якобинцев оставалось на тех же позициях. Верньо на заседании Конвента 13 марта 1793 г. заявлял, пользуясь руссоистской терминологией и как бы вторя Барнаву: «Равенство для общественного человека может быть только равенством прав. Равенство имуществ так же невозможно, как и равный рост, равная сила, равные умственные способности...»¹¹ Робеспьер, однако, в своей речи 2 декабря 1792 г. о продовольственных беспорядках в департаменте Эр-и-Луары ставит право собственности ниже права на существование: «Первейшее право - это право на существование. Первым общественным законом является, следовательно, закон, обеспечивающий всем членам общества средства для существования. Все остальные законы подчинены ему».¹²

Что общего между якобинизмом Робеспьера и якобинизмом Верньо или Барнава?¹³ Но в истории остался первый, и вследствие неправильного обобщения понятие «якобинизм» в этом толковании распространилось на социальные и политические реальности не только 93-го и II года. И именно «якобинизм 93 года»¹⁴, согласно выражению Мишле, ассоциированный с руссоизмом, сосредоточил на себе, поскольку он символизировал революцию во всей ее действительности, ненависть контрреволюционеров и приверженцев традиции.

I

При переходе от политической теории к революционной практике якобинизм видоизменяет и преодолевает руссоизм.¹⁵

Если Робеспьер стал с осени 1789 г. прославленным вождем политической демократии, то этим он, без сомнения, обязан своему происхождению, своему характеру и, не в последнюю очередь, Руссо. Ссылки на «Общественный договор» служили для «Неподкупного» эффективным орудием в его борьбе в защиту прав личности. Наоборот, в эпоху победившего якобинизма, когда дело шло о спасении революционного государства, руссоизм проявил свою полную политическую несостоятельность. Пытаясь разрешить одно из великих противоречий современной ему политической мысли, раздираемой между правами человека и социальными требованиями, между этатизмом Гоббса и индивидуализмом Локка, Руссо предложил абсолютно нереальный выход из положения, поэтому «Общественный договор» не оказал никакого влияния на конкретную обстановку II года.

Жан-Жак Руссо не стремился стать человеком действия, в нем не было ничего от революционера. Общеизвестна его постоянная тревога за свою безопасность, его политическая робость. «Женевцы, если возможно, станьте вновь свободными, но лучше быть рабами, чем отцеубийцами».¹⁶ На личном экземпляре книги Гельвеция «Об уме», на полях против фразы «Все, что имеет в виду благо народа, законно и даже добродетельно», он замечает «Общественное благо ничто, если не обеспечена безопасность всех частных лиц».¹⁷

Иначе обстоит дело с якобинизмом. Тут речь идет уже не об установлении идеала, не имеющего тесной связи с действительностью, не об определении абсолютных принципов, а о преобразовании общества и построении нового государства. Руссо предупреждает «политиков», что им будет очень трудно приспособить идеал к действительности: они смогут осуществить лишь то, что окажется

возможным, учитывая историческую необходимость. Он сам вынужден был пойти на уступки в своем «Плане конституции для Корсики» («Plan de la Constitution pour la Corse») или в «Рассуждениях об управлении Польшей» («Considerations sur le gouvernement de la Pologne»). Твердость убеждений якобинцев и их верность принципам не вызывает сомнений, но логика событий оказала бесконечно большее влияние на действия этих убежденных последователей Руссо, чем субъективная логика. Укажем на один только наиболее разительный пример.

Проведение в жизнь июньской конституции 1793 г., несомненно составленной в духе «Общественного договора», было отложено тотчас же по ее провозглашении, и ее похоронили как мертворожденное дитя. Якобинская диктатура общественного спасения, введенная в промежуток времени с лета по осень 1793 г., полностью противоречила народному суверенитету, как его понимал Руссо.

Робеспьер дал по этому поводу разъяснения в своем докладе от 5 нивоза II года (25 декабря 1793 г.) о принципах революционного правительства, указывая на различие между конституционным и революционным правительством (принципы и необходимость которого он старался установить): «Теория революционного правительства так же нова, как и породившая ее революция. Бесполезно искать ее в книгах политических авторов, которые вовсе не предвидели эту революцию».¹⁸ (Здесь он, без всякого сомнения, подразумевает Руссо и «Общественный договор»). «Конституционное правительство, - продолжает Робеспьер, - занимается преимущественно гражданской свободой... При конституционном образе правления можно, пожалуй, ограничиться охраной личности от злоупотреблений общественной власти». В этом же состоит и основная проблема, которую предполагает разрешить «Общественный договор», - «найти такую форму ассоциации, которая защищала бы и охраняла совокупной общей силой личность и имущество каждого участника».¹⁹

Революционное правительство, наоборот, занимается главным образом «общественной свободой». «При революционном образе правления общественной власти приходится самой защищаться против всех нападающих на нее клик (factions)». В чем здесь Робеспьер следует автору «Общественного договора»? Понятие «общественного блага» не могло быть ясным для Руссо: его теория общей воли заслоняет для него подлинные социальные противоречия. Можно, однако, найти оправдание этой теории не только в собственно исторической главе «О диктатуре»²⁰, но даже более того, в главе «О праве жизни и смерти» и в особенности в самом духе «Общественного договора»: личность отчуждает свои права, община пользуется теми из них, которые ей нужны. «Общественный договор» имеет целью сохранение договаривающихся. Кто одобряет цель, одобряет и средства...»²¹ Откровенно признавая необходимость насилия, Робеспьер, однако, не закрывал глаза на опасности, порождаемые временной отменой законных гарантий, охраняющих в нормальных условиях права граждан. Поэтому он придал террору в качестве корректива добродетель, добродетель в руссоистском духе, гражданскую добродетель, «добродетель, которая представляет собой не что иное, как любовь к отечеству и к его законам».²²

С этого времени отношение к руссоизму становится уклончивым. Чаще всего к нему прибегают для теоретического оправдания методов политической борьбы, но по достижении цели о нем молчат, а иногда даже оспаривают. Политический реализм является одной из существенных черт якобинизма. Странники демократии, якобинцы охотно подписались бы под утверждением Руссо: «Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлялся бы демократически. Такое совершенное правительство не годится для людей».²³

РУССО И ** ЯКОБИНИЗМ

В качестве доказательства этих колебаний в отношениях якобинцев к идеям Руссо, подчас даже их отрицания, достаточно будет одного примера, передающего самую суть проблем, выдвинутых требованиями и нуждами революционной практики

В XV главе III книги «Общественного договора» Руссо, исходя из того, что суверенитет не может быть ни отчуждаем, ни перепоручаем, резко критикует представительный строй в том виде, как он осуществлялся в Англии. «Английский народ считает себя свободным, он горько ошибается, он свободен только во время выборов членов парламента, как только они выбраны, он становится рабом, он - ничто». И далее: «Как только народ дает себе представителей, он уже не свободен как народ, он уже не существует».

В системе, введенной во Франции конституцией 1791 г., неудобства представительного образа правления еще усугублялись двухстепенными выборами. Со времени выборов в Конвент, т.е. после 10 августа 1792 г., якобинцы, намереваясь устранить умеренных и избрать решительных патриотов, критиковали двухстепенное голосование, как «гибельное для народного суверенитета», и требовали,

чтобы первичные собрания контролировали депутатов, избранных собранием выборщиков парижского департамента.²⁴ 27 августа 1792 г. секция Вандомской площади под председательством Робеспьера заявила, что «в принципе все народные представители должны избираться непосредственно народом, то есть на первичных собраниях». Если же она соглашается на двухступенное голосование, то только при условии, что секциям или первичным собраниям будет предоставлено право «пересматривать и обсуждать кандидатуры депутатов, избранных на собраниях выборщиков, так чтобы большинство могло отвергнуть тех лиц, которые окажутся недостойными доверия народа».²⁵ Таким образом, «цензура», или контроль над выборами, имела целью не только устранение неудобств двухступенных выборов - она свидетельствовала о неделимости народного суверенитета; здесь мы видим интересную попытку преодолеть «Общественный договор», оставаясь в то же время верными взглядам Руссо.

Однако когда обнаружилось, что большинство депутатов, избранных собранием выборщиков парижского департамента, принадлежат к Горе, патриотические секции изменили позицию и отступили от своих принципов. Около середины сентября генеральный совет Парижской коммуны опубликовал специальное обращение по этому поводу: «Граждане, благоразумно ли идти на риск лишиться, может быть, самых лучших депутатов, подвергая их вспышкам зависти и ярости партии, неизменно противящейся общественному благу и жаждущей ухватиться за любую возможность преследования патриотов?»²⁶

Чтобы уменьшить неудобства представительного образа правления и сохранить принцип народного суверенитета, недостаточно было тех коррективов к двухступенным выборам, которые стали возможны благодаря «цензуре». Надо было еще, чтоб депутаты оставались верными полученному ими мандату. Не возвращаясь формально к теории императивного мандата в том виде, как она была сформулирована во время выборов в Генеральные штаты и составления наказов, парижские секции, при выборах в Конвент, открыто провозгласили принцип ответственности депутатов, контроля над ними и права их отзыва. Народные депутаты, пишет Руссо в «Общественном договоре», не могут быть представителями народа, «они только его комиссары»²⁷, его мандатарии, как говорили воинствующие члены секции в 1792-1793 гг. Таким образом, был преодолен тупик, куда завел Руссо его отказ от представительного правления.²⁸

Робеспьер высказался по этому поводу в своей речи о конституции 10 мая 1793 г.: «Первой целью всякой конституции должна быть защита общественной и индивидуальной свободы от посягательств самого правительства». Законодатели предусматривали бесконечные меры предосторожности против народного восстания, но ничего не предлагали против «мятежа своих делегатов». «Принцип моральной ответственности налагает на уполномоченных правительства обязательство представлять в определенные и достаточно частые сроки точные и подробные отчеты о своей деятельности, эти отчеты должны предаваться гласности путем их опубликования в печати, чтобы о них могли судить все граждане. У народа, уполномоченные которого не обязаны ни перед кем отчитываться в своей деятельности, конституции нет, у народа, уполномоченные которого отчитываются только перед другими пользующимися неприкосновенностью уполномоченными, конституции нет, так как они могут, если захотят, либо безнаказанно предавать его, либо разрешать другим поступать таким образом. И если представительный образ правления принимают в таком смысле, то я должен сознаться, что полностью присоединяюсь ко всем проклятьям, которыми осыпал его Жан-Жак Руссо». Робеспьер предложил поэтому принять несколько основных статей. «V. Носителем суверенитета по существу является народ; все общественные (publics) должностные лица - его уполномоченные, он может их отзываться таким же образом, как он их избрал <...> XVI. Члены законодательного собрания не могут быть преследуемы по суду за мнения, высказанные ими в собрании, но по истечении срока их полномочий их поведение подвергается в торжественной обстановке оценке со стороны народа, который их избрал. Народ должен будет высказаться по вопросу: оправдал или нет такой то гражданин доверие, которым удостоил его народ?»²⁹

Май 1793 г. - эпоха великой борьбы Жиронды с Горой. Жиронда провозглашала принцип неприкосновенности народных представителей. Принцип же ответственности и права отзыва депутатов служил, наоборот, теоретическим обоснованием для событий 31 мая - 2 июня 1793 г., завершившихся установлением якобинской диктатуры общественного спасения.

Эта проблема была вновь выдвинута Эро де Сешеллем, докладчиком о проекте конституции. 24 июня 1793 г. он представил на рассмотрение Конвента раздел конституции под заглавием «Критика народом своих депутатов и его охрана против притеснений со стороны законодательного корпуса...»: «Нашей целью было возложить на народную секцию, избравшую депутата, оценку его поведения, и мы добавили, что депутат может быть переизбран только в случае, если его поведение будет одобрено его

избирателями». По настоянию правоверных якобинцев Тюрио и Кутона проект был отвергнут; они ссылались на руссоистский принцип «о том, что суверенитет неделим»: народный представитель принадлежит всей нации, а не той или иной секции. Это просто теоретическое оправдание политического требования. «Пусть события послужат вам уроком», - воскликнул Тюрио.³⁰

Якобинцы, верные, если не духу, то букве «Общественного договора», разделяли, таким образом, жирондистские концепции. 13 марта 1793 г. Верньо заклеил злоупотребление словом «суверенитет» у «анархистов»: «Еще немного, и они потрясли бы основы Республики, внушив каждой секции, что суверенитет принадлежит ей».³¹ После Термидора Ламбер, представитель от департамента Кот-д'Ор, уточняет: «Истинный суверенитет принадлежит только народу как коллективу; из этого следует, что суверенитет по существу своему един и неделим, что он представляет собой чисто метафизическое понятие, то есть выражение общей воли, и что в противном случае у нас во Франции было бы сорок тысяч суверенов, по числу коммун».³² Такова своеобразная руссоистская преемственность от якобинцев к термидорианцам.

Озабоченный теоретическим оправданием своих идей, но исполненный недоверия к политической практике воинствующих членов секций, склонных благодаря своему расплывчатому и туманному руссоизму к прямому народоправству, Робеспьер пришел к реабилитации представительного образа правления. Вдохновляясь «Общественным договором» и одновременно противореча ему, Робеспьер в своем докладе от 7 плювиоза II года (5 февраля 1794 г.) утверждает:

«Демократия вовсе не является таким образом правления, при котором народ, все время проводящий в собраниях, сам вершит все государственные дела³³, и еще менее того таким, когда сто тысяч мельчайших группировок, поспешно принимая частные и противоречивые меры, решали бы судьбу всего общества.³⁴ Подобное правительство никогда не существовало, и если бы оно существовало, то могло бы только привести народ к деспотизму. Демократия - это образ правления, когда суверенный народ, руководящийся созданными им законами, делает сам все, что он может сделать хорошо, а что он не может сделать сам, он поручает своим представителям».³⁵

В действительности же политическая практика якобинцев, утвердившаяся с осени 1793 г., уже привела к гибели эту представительную демократию, которую Робеспьер пытался определить, пользуясь руссоистской терминологией, но имея в виду только противодействовать популярной практике прямого народоправства. Когда декретом 14 фримера II года (4 декабря 1793 г.) революционное правительство было окончательно установлено и упрочен авторитет Комитета общественного спасения, исчезло всякое упоминание о народном суверенитете, принципы стали подчиняться требованиям общественного блага. Якобинский метод чистки одерживал верх над выборами: статья 1, раздел 4, декрета от 14 фримера «Реорганизация и чистка существующих органов власти» разрешала Комитету общественного спасения «принимать необходимые меры для изменения организации существующих органов власти», 16 флореала (5 мая 1794 г.) в письме к секции Фобур-Монмартр Пэйан, национальный агент робеспьеристской коммуны, провозглашает, что в принципе при революционном правительстве не должно существовать первичных собраний³⁶: признаются только общие собрания - собрания, лишённые суверенных прав. Иными словами, при революционном правительстве народный суверенитет временно отменяется.

Как раз на этом этапе эволюции якобинизма, весной 1794 г., после разгрома групп, когда никем не оспариваемая диктатура Комитета общественного спасения была так близка к своей гибели, снова проявляется глубокое созвучие между руссоизмом и якобинизмом. Руссо в «Общественном договоре» пытался разрешить проблему отношений государства с индивидуумом, который желал бы остаться свободным или сохранить хотя бы иллюзию свободы. Но идеальное государство кажется Руссо страшно хрупким; всюду возникает пессимизм; голос общей воли непреодолимо заглушается голосом интересов частных лиц; где найти силу, которая могла бы упрочить социальные узы? Руссо помещает в конце «Общественного договора» главу «О гражданской религии». Не останавливаясь здесь подробно на проблемах, затрагиваемых в этой главе, отметим, что автор здесь наивно защищает политическую и социальную роль религии.

К этой же самой гражданской религии прибегнул Робеспьер весной II года, чтобы преодолеть противоречия, которые влекли к гибели якобинскую диктатуру общественного спасения. Социальная база революционного правительства, составленная из разнородных элементов, распалась весной 1794 г., когда цель была уже близка. Опирались только на якобинцев диктатура не могла; ведь они не представляли собой класс и еще менее того строго дисциплинированную классовую партию, которая могла бы стать эффективным орудием политической деятельности. Правительство II года зиждилось

на спиритуалистической концепции социальных отношений и демократии. Ученик Руссо, Робеспьер ненавидел сенсуализм Кондильяка и еще больше материализм Гельвеция, бюст которого в якобинском клубе он приказал разбить. Робеспьер верил в существование бога и души, в загробную жизнь; его заявление в якобинском клубе 26 марта 1792 г. не оставляет ни малейшего сомнения в этом. Когда в своем докладе 18 флореаля II года (7 мая 1794 г.) Робеспьер провозгласил под аплодисменты якобинцев культ Верховного существа, он действовал и согласно своим личным убеждениям, и из политических соображений, стремясь дать народу религию, которая щадила бы его привычки и укрепляла общественную мораль. «С точки зрения законодателя, все, что полезно человечеству и хорошо на практике, есть истина. Служение Верховному существу представляет собой постоянный призыв к справедливости и, следовательно, это идея социальная и республиканская». Что же касается атеизма, то он «является частью заговора против республики».

В исторических условиях весны II года введение культа Верховного существа преследовало также другую цель - укрепить «чувства общности (sentiments de sociabilite)» без которых, согласно Руссо, «нельзя быть хорошим гражданином».³⁷ Дело шло главным образом о том, чтобы с помощью общей веры спаять воедино различные социальные категории - монтаньяров, якобинцев, санкюлотов, которые ранее поддерживали революционное правительство и которых затем классовые антагонизмы восстановили друг против друга. Неспособный к анализу современных ему экономических и социальных условий, Робеспьер, подобно Руссо, подобно Сен-Жюсту, верил во всемогущество законов и призывов к добродетели. Культ Верховного существа в конце концов породил новый конфликт. Сторонники насильственной дехристианизации, равно как и сторонники чисто светского государства, не простили Робеспьеру декрета от 18 флореаля.

Руссоистское понимание общества сделало Робеспьера и якобинцев безоружными перед лицом противоречий, которые в конце концов привели к распаду революционного правительства.

Эта неспособность Руссо и якобинцев к точному и эффективному анализу еще ярче бросается в глаза на фоне социальной действительности того времени. Руссоизм служил идеологической опорой якобинизма. И тому и другому свойственны одинаковые противоречия и одинаковое бессилие.

Жан-Жак Руссо пишет в своей «Исповеди», что он родился в семье, «нравы которой отличали ее от народа»: его отец был часовщиком. Этому вторит столяр Дюпле, у которого жил Робеспьер; Мишле совершенно справедливо считает его символом якобинизма 1793 г. Часто цитируются слова его дочери, жены члена конвента Леба, что ее отец, заботившийся о своем буржуазном достоинстве, никогда не посадил бы за свой стол кого-либо из тех, кто у него служит, т.е. одного из своих рабочих. Жорес в своей «Histoire socialiste» напоминает, что столяр Дюпле получал от десяти до двенадцати тысяч ливров квартирной платы, не считая прибылей от своего предприятия.³⁸ Столяр Дюпле, безусловно, вращался в мире труда, но тем не менее он был довольно крупным предпринимателем в столярном деле. Становится понятной двойственность социального положения и якобинцев, и Руссо: они были слишком близки к народу, чтобы не признавать его нужд, но они достаточно отличались от него, чтобы не действовать против интересов буржуазии.

Общественное положение и темперамент (вспомним Робеспьера) заставляли якобинцев разделять учение Руссо. Находя прелесть, свидетельством чего является времяпрепровождение в доме Дюпле, в бесхитростных семейных радостях и в непритязательном общении с друзьями, якобинец по своим вкусам, по своему образу жизни был представителем средней буржуазии. Эта социальная категория, составлявшая основные кадры якобинцев, характеризуется своей честностью, прилежанием, уравновешенностью и одинаковым отвращением как к чрезмерному богатству, так и к чрезмерной бедности. Этим объясняются те противоречия, которые тяготели как над руссоизмом, так и над якобинизмом, в особенности в отношении проблемы равенства и, следовательно, собственности.

Что свобода не может существовать без известной степени равенства, что неравное распределение богатств может свести политические права к пустой видимости, об этом Руссо недвусмысленно заявил в «Общественном договоре», уточняя: «Что касается равенства, то оно не означает, что степени власти и богатства должны быть абсолютно одни и те же; что касается власти, то она должна избегать всякого насилия и применяться не иначе, как сообразно с общественным положением и законами; что же касается богатства, то ни один гражданин не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один - настолько беден, чтобы быть вынужденным продавать себя».³⁹

Во имя этих принципов Робеспьер осенью 1789 г. выступает против цензовой избирательной системы, при которой только богатство пользуется политическими правами. Он считает, что в обществе, основанном на неизбежном неравенстве состояний, «всеобщее избирательное право представляет собой одно из немногих средств противостоять власти денег».⁴⁰ 11 августа 1791 г. в своей речи о необходимости отмены декрета о марке серебра он снова повторяет: «Может ли закон быть выражением общей воли, если большинство тех, для кого он предназначается, никоим образом не участвует в его выработке?.. Наконец, может ли нация быть суверенной, если большинство составляющих ее людей лишено политических прав, в которых и заключается суверенитет? Чем была бы в этом случае ваша конституция? Настоящей аристократией: ибо аристократия - это государство, где часть граждан суверенна, а все остальные подчинены ей. И какой аристократией! Самой несносной из всех, аристократией богатых».⁴¹

Робеспьер, которого можно считать здесь прототипом якобинцев, долго придерживался этой концепции политической демократии. Первоначально он не искал никакого способа устранения социального неравенства людей, этого неизбежного зла, источником которого он, подобно Руссо, считал личную собственность. Его чисто литературное и юридическое образование (formation), его неспособность к точному экономическому и социальному анализу обусловили его чисто политическую концепцию соотношения сил. Однако необходимость защиты революции и нации вынудила Робеспьера, начиная с 1792 г. и в особенности в 1793 г., вернуться к вопросам, которыми занимался Руссо и которые, как было известно Робеспьеру, находили отклик в народе, среди мелкой и средней буржуазии. Этим объясняется его критика права собственности в речи от 2 декабря 1792 г. и еще более в речи от 24 апреля 1793 г. о новой декларации прав: он говорил не об упразднении собственности, а лишь об ограничении ее влияния, чтобы уменьшить неизбежное неравенство, ужасные последствия которого были описаны Руссо в его знаменитой «Речи». «Не было, конечно, надобности в революции, - восклицает Робеспьер, - чтобы поведать миру, что чрезвычайная несоразмерность состояний является первопричиной многих зол и многих преступлений; но мы тем не менее уверены, что равенство имуществ - химера. Что касается меня, то, по моему мнению, это равенство менее необходимо для счастья отдельных лиц, чем для общественного блага. Куда важнее сделать бедность заслуживающей уважения, чем упразднить богатство».⁴²

А вот что писал Руссо в своем «Плане конституции для Корсики»: «Достаточно разъяснить здесь мою мысль: я стою не за абсолютное уничтожение частной собственности, так как это невозможно, но за ограничение ее более тесными рамками, за придание ей известной меры, за ее урегулирование, за наложение на нее узды, которая сдерживала бы ее, направляла, подчинила и ставила в постоянную зависимость от общественного блага». Робеспьер отвергает статью 1 Декларации прав 1789 г., согласно которой собственность является естественным правом: он считает собственность социальной реальностью, определенной законом⁴³, уточняя тем самым теорию собственности, набросанную в общих чертах в «Общественном договоре» Руссо, где проводится различие между владением и собственностью.⁴⁴

Эти руссоистские положения были выдвинуты Робеспьером весной 1793 г.; его вынудили к этому обстоятельства, «сила вещей», по выражению Сен-Жюста, а именно логика фактов, нужды войны, требования защиты революции, а не абстрактные идеологические мотивы. Эти положения были подхвачены в различных формулировках главными выразителями взглядов якобинцев. В своих «Elements de republicanisme» Бийо-Варенн утверждал, что собственность является главной опорой гражданских ассоциаций. Политическая система не только должна обеспечивать каждому спокойное пользование своими владениями, но эта система должна быть таковой, чтобы по возможности установить если не абсолютно равномерное, то хотя бы пропорциональное распределение состояний среди граждан. «Если право собственности неотъемлемо, то оно должно служить на пользу всем людям, составляющим нацию», тогда никто в Республике не будет находиться «в прямой и не взаимной зависимости от другого частного лица».⁴⁵

Тех же взглядов придерживается Сен-Жюст, который в своих «Institutions» ставит перед Республикой следующую цель: «Дать всем французам возможность приобретения предметов первой необходимости, будучи при этом в зависимости только от законов, без взаимного подчинения в обществе». Иными словами, пусть каждый француз будет мелким собственником и независимым предпринимателем. И в другом месте: «Необходимо, чтобы человек был независимым... не нужно ни богатых, ни бедных».⁴⁶ В «Общественном договоре» Руссо уже уточнил в одном примечании: «Гражданское общество только тогда полезно для людей, когда все они чем-нибудь владеют, и никто из них не имеет слишком много».⁴⁷

Социальный идеал Руссо, равно как и якобинцев, соответствовал чаяниям крестьян, ремесленников и мелких лавочников Франции во второй половине XVIII в.: общество мелких независимых производителей, владеющих каждый своим полем, своей лавкой или своей мастерской и способных прокормить семью, не прибегая к наемному труду. Руссо ограничивает собственность тем ее количеством, «которое необходимо для существования», и основывает ее на труде - «единственном признаке собственности, который за отсутствием юридических оснований должен быть уважаемым другими лицами».⁴⁸ Деятели парижской секции Санкюлотов, бывшей секции Ботанического сада, заявляют 2 сентября 1793 г., что «собственность должна определяться только размером физических потребностей», и намереваются ограничить ее пропорционально личному труду каждого.⁴⁹ Человек, живущий своим трудом, никому ничем не обязанный, - этот якобинский идеал соответствовал экономическим условиям большинства тогдашних производителей. Но несмотря на это, он находился в глубоком противоречии с мощной эволюцией экономики, имевшей тенденцию к капиталистической концентрации.

Так как это противоречие не могло ускользнуть от якобинцев, то они вслед за Руссо возродили в политическом мышлении понятие об общественном праве: национальное государство, облеченное правом контроля над организацией собственности, предпринимает шаги для поддержания относительного равенства путем восстановления мелкой собственности соразмерно экономической эволюции, направленной к ее уничтожению. Эти шаги имеют целью предупредить восстановление монополии на богатство и образование зависимого пролетариата. Этим объясняются монтаньярские законы о равномерном распределении наследств, о продаже государственных имуществ мелкими участками, о разделе общинных земель. Этим объясняются вантозские декреты о передаче «неимущим патриотам» имущества «подозрительных». Этим объясняется закон о «национальном попечении о бедных» от флореаля II года. Так выражался в действиях идеал эгалитарного общества. Так должна была быть осуществлена цель, поставленная Декларацией прав от июня 1793 г. и свидетельствовавшая о верности монтаньяров «Общественному договору», а именно - «общее благо».⁵⁰

Известно, чем это закончилось. На самом деле якобинцы - защитники частной собственности, но враги концентрации: сторонники экономической свободы на уровне мелкого производства, но требующие вмешательства государства на уровне крупной, - оказались, как и Руссо, неспособными создать стройную социальную программу. В этой области между руссоизмом и якобинизмом существует не столько прямая зависимость, сколько идентичность: и тот, и другой были глубоко созвучны противоречивой действительности их эпохи.

III

Кроме теории, имеющей своим источником руссоизм, якобинизму свойствен особый политический темперамент и еще более того - революционная техника. Чем же якобинцы обязаны в этом отношении автору «Общественного договора»?

Родство Жан-Жака и якобинца не иллюзорно. У того и у другого мы находим ту же уверенность в собственной правоте, ту же гордость, ту же горячую приверженность к принципам; причем у якобинца твердая позиция часто маскирует расплывчатость доктрины. Нетерпимые, сектанты - они в сущности с жаром ищут возможностей единства. Руссо предает анафеме партии, якобинец - клики. Они любят людей и чутко отзываются на их переживания («Существует ли более сладостное удовольствие, - пишет Руссо, - чем то, которое испытываешь при виде целого народа, беззаветно веселящегося в праздничный день?»), но в то же время они охотно предаются горькому наслаждению одиночеством. Но были ли действительно способны якобинец и Руссо от всей души разделять чувства, волнующие народ? Они предстают перед нами, и тот, и другой, не как люди массы, а как кабинетные работники, легко дезориентирующиеся при контакте с толпой.

Эта родственность темперамента, причем характерные черты его резче выступают у якобинца, не мешает нам, однако, видеть, насколько якобинская революционная техника превосходит руссоизм и чужда ему. Механизм этой техники давно уже был подробно исследован и не без предвзятой враждебности.⁵¹ Якобинцы довели до совершенства практику узких комитетов, определяющих теоретические положения, уточняющих политическую линию, конкретизирующих ее в простых, созвучных руссоизму и благодаря этому эффективных лозунгах. Недостатки избирательной системы исправлялись путем чистки и ее необходимого следствия - введения своих сторонников в различные группировки: после устранения соперничества в результате чистки, позволяющей членам комитета решать вопрос о пригодности кандидатов к выполнению их полномочий, избирателям предоставлялась свобода выбора. Гражданин был опутан сетью обществ, действиями которых руководило центральное

общество, «единственный центр общественного мнения», подобно тому, как Комитет общественного спасения являлся таким же центром правительственной деятельности: оттуда, согласно одному циркуляру народного общества в Бельвиле во II году, исходили «те лучи света и жизни, которые озаряют, одушевляют и возбуждают патриотизм».

Эта политическая практика и эта революционная техника оказались чрезвычайно эффективными: они обеспечили в 1793 г. завоевание власти, установление революционного правительства и в конце концов спасение Республики. Их нельзя, однако, зачислить в актив Руссо, который писал: «...Когда одна из этих ассоциаций настолько велика, что она оказывается сильнее всех остальных... тогда общей воли не существует, и мнение, которое побеждает, есть только частное мнение».⁵²

Якобинизм одновременно и тождествен руссоизму и преодолевает его. Сочинения Руссо являлись для якобинцев чем-то вроде идеологического арсенала для критики и подрыва не только старого порядка, но и режима, установленного Конституцией 1791 г. Но на определенном этапе революции обнаружилось, что руссоизм не пригоден для теоретического оправдания революционного правительства и для построения нового общества, потому что он был лишен связи с действительностью. Тогда стали очевидными его абстрактность и утопичность. Пусть якобинцы по-прежнему ссылаются на него; они тем не менее отклонились от учения Руссо и преодолели его.

При переходе от размышлений к действию, от теории к практике система идей преломляется и видоизменяется в призме социальной и политической действительности, ее требований и нужд.

Примечания

1 «Moniteur», v.XXII, p.230, 237.

2 *Abbe Barruel*. Abrege des memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme. Hambourg, 1801, p.94, 137.

3 *И.Тэн*. Происхождение современной Франции, т.I. Старый порядок. Книга III. Дух и доктрина, гл.IV, III.

4 *И.Тэн*. Происхождение современной Франции, т.IV. Революционное правительство. Книга II. Якобинская программа, гл.I, 1.

5 См также: *P.-J.Proudhon*. Idee generale de la Revolution au XIXe siecle. Ch.IV, 1.

6 См *И.Тэн*. Происхождение современной Франции, т.IV. Революционное правительство. Книга I. Установление революционного правительства, гл.I, 1 (ср. так же по этому поводу высказывания графа де Пюизэ в его мемуарах (*Memoires du C-te Joseph de Puisaye*, v.I. Londres, 1803, p.283): «Я хотел бы чтобы, наконец, столкнулись относительно определения понятия якобинец... Можно подумать, что якобинцы представляют собой секту, присущую только нашему, что это существа, бывшие до сих пор чуждыми человеческому роду, и чудовища, не известные предыдущим векам. Загляните в историю, вы найдете якобинцев повсюду... якобинцы принадлежат всем временам и всем странам. В государстве, где социальные связи утратили силу, необходимую для поддержания существующего порядка, они кишмя кишат как черви в трупе; в государстве, сильном крепостью своих установлений, они не осмеливаются показаться».

7 *L. De Cardenal*. La province pendant la Revolution. Histoire des clubs jacobins (1789-1795). Paris, 1929, p.605.

8 *Gaston Martin*. Les Jacobins. Paris. 1945, p. 83.

9 *J.Michelet*. Histoire de la Revolution francaise, livre IX, chap.IV.

10 «Moniteur», v.IX, p.143.

11 «Moniteur», v.XV, p.705.

12 «Авторы теории, - утверждал Робеспьер, - рассматривали необходимейшие для жизни продукты питания только как обычный товар; они не признавали никакой разницы между торговлей зерном и торговлей индиго - они больше обсуждали вопрос о торговле зерном, чем о снабжении народа продовольствием: прибыли торговцев или собственников для них значили очень много, а жизнь же людей - почти ничего».

13 Мы не можем согласиться с Гастоном-Мартеном, когда он дает в качестве общего знаменателя для всех якобинцев с 1790 по 1794 г. верность лозунгу «свобода, равенство, братство» (*Gaston Martin*. Op.cit., p.84), лозунгу чисто формальному, в который якобинцы различных революционных поколений вкладывали различный социальный и политический смысл.

14 С таким же хронологическим ограничением определяет якобинизм и Альбер Матьез: «Под ним я подразумеваю правление монтаньяров с июня 1793 до июля 1794 г.» (*A. Mathiez*. Le Bolchevisme et le Jacobinisme. Paris, 1920, p.22)

15 Этот вопрос был уже затронут отчасти в работе *S.B.Kritschewsky*. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der socialpolitischen Ideen der Montagnards. Berne, 1895; об «Общественном договоре» и его влиянии до 1789 г. см. также *Damel Mornet*. Les engines intellectuelles de la Revolution francaise (1715-1787). Paris, 1933, p.95: «Нет определенных доказательств, что его плохо поняли но, безусловно, о нем мало говорили, и никому не приходило в голову считать его известного рода руководством для деспотической демократии, для якобинизма... совершенно верно, но проблема заключается не в этом».

16 *J.J.Rousseau*. Lettres de la Montagne, VII. - «Political Writings», v.II, p.245).

17 Цитировано в кн.: *Robert Derathe*. Jean Jacques Rousseau et la science politique de son temps. Paris, 1950, p.357.

18 «Oeuvres de M.Robespierre», t.X. «Discours». (Ed G.Lefebvre, M.Bouloiseau, A.Soboul, 5e partie, a paraître).

19 Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.I, гл.VI.

20 «Только самые большие опасности могут уравновесить опасность проистекающую от изменения общественного порядка, а священную власть законов следует останавливать только в том случае, когда дело идет о спасении отечества» (Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.IV, гл.VI).

21 Там же, кн.II, гл.V.

22 Доклад о принципах политической морали, которыми должен руководствоваться Конвент, 17 плювиоза II года (5 февраля 1794 г.). («Oeuvres de M.Robespierre», t. X, «Discours», 5e partie a paraitre)

23 Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.III, гл.IV.

24 «Цензура», или контроль выборов, в том виде, как ее требовали в 1792-1793 г., с ее следствием - возможностью отзыва депутатов - не соответствовала духу «Общественного договора». Ее источником являлось понятие об императивном мандате как оно было сформулировано в 1789 г. Цензура, которую Руссо рассматривает в VII главе IV книги «Общественного договора», представляется ему как ведомство с чрезвычайными полномочиями, имеющее целью следить не за выполнением закона, а за чистотой нравов. Сен-Жюст вдохновился этим в своих «Institutions republicaines» (Seizieme fragment. Des censeurs; Vellay, II, 530). Однако Руссо с большей ясностью поставил проблему контроля в «Considerations sur le gouvernement de la Pologne» (Chap. VII): «Я могу только восхищаться небрежностью, беспечностью и глупостью английской нации, облекшей своих депутатов верховной властью безо всяких препон, которые могли бы ограничить злоупотребления ею в течение целых семя лет действия депутатских полномочий».

25 Bibliotheque nationale, Lb40 2064. Документ подписан: Робеспьер, председатель (Приведен в кн.: *Etienne Charavay Assamblee electorale du departement de Paris*, v.II, p.IV), см.также десятое письмо Робеспьера (M.Robespierre *Lettres aux commettants*)

26 «Archives du departement de la Seine», D 771. Действительно, согласно сохранившимся документам («Archives nationales», B 1, 15), 25 первичных собраний либо подвергали - до утверждения - проверке лиц избранных собранием выборщиков, либо отказывались, но только на этот раз от права чистки.

27 Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.III, гл.XV.

28 «Основательно исследовав все это, я вижу, что суверену отныне возможно сохранить свои права лишь в том случае если гражданская община очень мала» (Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, книга III, гл.XV. О депутатах, или представителях).

29 «Oeuvres de M. Robespierre», t.IX. - «Discours», 4 partie., p.495

30 «Moniteur», v.XVI, p.739. «О том что суверенитет неделим» - так называется глава II книги II «Общественного договора».

31 «Moniteur», v.XV, p.705.

32 Письмо от 12 вандемьера III года (3 октября 1794 г.) Комитету общественной безопасности (*Aulard. Recueil des actes du Comite de salut public*, v.XVII, p.208).

33 Робеспьер перефразирует здесь слова Руссо: «У греков все, что народ должен был делать, он делал сам: он беспрестанно собирался на площади» (Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.III, гл.XV).

34 Осуждение политической практики санкюлотов в том виде, как ее проводили парижские секции (см. *Albert Soboul. Les sansculottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et gouvernement revolutionnaire*. Paris, 1958, deuxieme partie, chap. III, IV et V).

35 Rapport sur les principes de morale politique qui doivent guider la Convention - «Oeuvres de M. Robespierre», t. X. Discours. 5e partie. a paraitre).

36 Bibliotheque nationale. Mss, Nouv. acq. fr. 2686. f. 201.

37 Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.IV, гл.VIII.

38 *J.Jaures. Histoire socialiste*, v.IV, p.448.

39 Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.II, гл.XI (см. также кн.III, гл.IV «О демократии»). Демократия предполагает «большое равенство в положении и в имущественном состоянии, без чего не могло бы долго существовать и равенство в правах и власти»).

40 См. речи от 22 октября об избирательном праве, от 29 октября и 3 декабря 1789 г. об условиях избрания депутатов («Oeuvres de M.Robespierre», t.VI. «Discours», 1re partie. p.130, 133 et 151).

41 «Oeuvres de M. Robespierre», t.VII. «Discours», 2me partie, p.617. «Но если аристократия требует несколько меньше добродетелей, чем народное правительство, - уточняет Руссо, - то она в свою очередь требует других, свойственных ей одной, каковы: умеренность богатых и довольство малым бедных» (Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.III, гл.V).

42 «Oeuvres de M.Robespierre», t.IX. «Discours». 4e partie, p.459.

43 «Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться той частью имущества, которая гарантирована ему законом».

44 Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.I, гл.IX, «О владении». Теория Руссо, изложенная в «Речи о неравенстве», уточнена в «Общественном договоре», где проводится различие между владением и собственностью. Собственность не является естественным правом: до договора существовало только фактическое владение. Гражданское право, вводя собственность, ограничивает права каждого тем, что ему необходимо. (См.также гл.VII той же книги «О гражданском состоянии»: «Благодаря общественному договору человек теряет свою свободу и право собственности на все, что его прельщает и чем он может овладеть; выигрывает же он гражданскую свободу и право собственности на все, чем он владеет. Чтобы не ошибиться в этих: взаимных компенсациях, необходимо твердо различать... владение, которое является лишь следствием силы или есть простое право первого захватчика, от собственности, которая может быть основана только на определенных юридических доказательствах»).

45 Bibliotheque nationale, Lb.40 2383. imp. in 8. 132 p. Бийо-Варенн добавляет: «В то время как сосредоточение крупных состояний в руках небольшого количества людей ведет во все возрастающей степени к появлению всяческих общественных бедствий, зажиточность большинства населения, плод труда, мастерства и торговых сделок приводит нацию к вершине процветания и сообщает ее правительству подлинное величие».

46 См. *Albert Soboul*. Les Institutions republicaines de Saint-Just d'apres les manuscrits de la Bibliotheque nationale. - «Annales historiques de la Revolution francaise», 1948, p.193; см.также: *J.-J.Rousseau*. Plan de la constitution pour la Corse: «Надо чтобы все жили безбедно, чтобы никто не обогащался».

47 Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.I, гл.IX.

48 Там же.

49 Bibliotheque nationale Lb.40 2140, imp. in - 8, 6 p.: ... 8) устанавливается максимум состояний; 9) один и тот же человек может владеть только одним максимумом; 10) никто не может арендовать земель больше, чем требуется для определенного количества плугов; 11) один и тот же гражданин может иметь только одну мастерскую (ср. с тем, что пишет Руссо в статье «Политическая экономия» в «Энциклопедии»: «Одной из наиболее важных обязанностей правительства является предупреждение чрезмерного неравенства состояний, не путем отбирания земель у их владельцев, но уничтожая все способы приобретения новых»).

50 «Только общая воля может управлять силами государства, сообразно с целью, для которой оно учреждено и которая есть общее благо... Единственно на основании этого общего интереса общество и должно быть управляемо» (Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.II, гл.I).

51 См. *Augustin Cochin*. Les Societes de pensee et la Revolution en Bretagne. Paris, 1925; *L. de Cardenal*. La province pendant la Revolution. Histoire des clubs jacobins (1789-1795). Paris, 1929 (в особенности кн.IV «Les moyens d'action»). Более поверхностно, но более объективно пишет об этом Гастон-Мартен (*Gaston-Martin*. Les Jacobins. Paris, 1945, p.89 («La methode»).

52 Ж.-Ж.Руссо. Об общественном договоре, кн.II, гл.III.